

Когда уйду в зеленый сон,
врасту в него, как в лед,
ко мне небритый почтальон
письма не принесет.

Не привезут, чего пожрать,
в бесцветной тишине,
и даже родина и мать
забудут обо мне.

Я буду правильный, как ноль,
бессмертный, как вода,
мне никотин и алкоголь
не причинят вреда.

Я позабуду страх и боль,
но есть один прикол:
что человек не значит соль,
не означает – столб.

Два негра играли Шопена
и скрипку роняли всегда,
и в зеркале заднего вида
бесплатно сияла звезда.

Забыв Афродиту и пену,
и ад под названьем шеол,
хорошая девочка Лида
сменила гражданство и пол.

И вышел из облака Старец,
и лопнул в себе небосвод,
но кто-то сказал, что знаменья
бывают на стыке погод.

Мой мальчик, мой бедный скиталец,
земля твой последний приют,
ты сгорблен и глух от рожденья,
и ангелы мимо поют.

Нельзя за пазухой держать
змею, пластид, бутылку спирта,
мы здесь на стыке двух держав,
где воздух сдавленный и спитый.

Для нас вживую пел Кобзон,
его мы грели и кололи,
а Горловка до серых зон
была привеском трех колоний.

Но этот день неотдалим,
когда, заносчивый и трезвый,
с тобой останусь я один,
мой мертвый, мой бессмертный Дрезден.

Кто умер для озера, рощи, костра,
для малознакомых дорог,
тем очи в финале закроет сестра,
ступив на стерильный порог.

Кто руки берег от любой ерунды
(помою и дело с концом),
тот дворников смог избежать и войны
с пропитым неженским лицом.

Такого несложно столетья потом
собрать из золы нежилой,
для этого он закрывался зонтом
от грязной воды дождевой.